

Джули Берри

НЕЖНАЯ ВОЙНА

Freedom
Москва
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б51

Julie Berry
LOVELY WAR

Copyright © 2019 by Julie Berry

All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Viking Children's Books, an
imprint of Penguin Young Readers Group,
a division of Penguin Random House LLC.

Берри, Джули.

Б51 Нежная война / Джули Берри ; [перевод с
английского М. В. Артемовой]. — Москва : Эксмо,
2019. — 544 с. — (Young Adult. Бестселлеры).

ISBN 978-5-04-105233-1

Эта книга — гимн любви, над которой не властна ни война,
ни время — две самые сокрушительные силы на земле.

Две истории любви, рассказанные самой Афродитой, пере-
несут вас во времена Первой мировой войны.

Война стала причиной, по которой они встретились. Она же
их и разлучила.

Хейзел и Джеймс познакомились на приходских танцах, а за-
тем юношу отправили на Западный фронт. Девушка всегда меч-
тала поступить в консерваторию и стать профессиональной пиа-
нисткой, но бесстрашно последовала за возлюбленным туда, от-
куда не возвращаются.

Родные и близкие Колетт погибли. Над Обри нависла угроза
пострашнее непрерывных бомбежек. Когда весь мир отвернулся
от них, любовь послужила молодым людям утешением, но война
не знает жалости и сострадания, сметая все на своем пути.

«Этот удивительный, шикарно написанный роман не оставит
вас равнодушными и напомнит, что ни одна опасность не в си-
лах закрыть наши сердца для любви».

*Нэнси Уэрлин,
автор бестселлеров New York Times*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-105233-1

© Артемова М.В.,
перевод на русский язык, 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Моим бабушкам:
Сирене Дэвисон Кейт
и Эдит Дадли Гарднер

Кендре Левин,
которая всегда будет мне дорога;
и Филу

Только достигла обидная весть до Гефестова слуха,
Мщение в сердце замыслив, он в кузнице плаху поставил,
Крепко свою наковальню уладил на ней и проворно
Сети сковал из железных, крепчайших, ничем не разрывных
Проволок. Хитрый окончивши труд и готова Арею
Стыд, он пошел в тот покой, где богатое ложе стояло.
Там он, сетями своими опутав подножье кровати,
Их на нее опустил с потолка паутиною тонкой;

Мало-помалу и он и она усыпились.
Вдруг сети Хитрой Гефеста работы, упав, их схватили с такою
Силой, что не было средства ни встать им, ни тронуться членом;
Скоро они убедились, что бегство для них невозможно...

Из «Одиссеи» Гомера, пер. В. А. Жуковского

УБЕРТЮРА

ДЕКАБРЬ 1942

Я Слышу Рапсодию

РАННИЙ ВЕЧЕР в лобби роскошного отеля на Манхэттене. Хрустальные призмы, покачивающиеся на люстрах, излучают мягкий электрический свет. На бархатных диванах возле камина сидят гости: мужчины одеты в офицерскую форму, а их дамы в вечерних нарядах склонили головы на плечи своим кавалерам. Официанты ведут пары к мягко освещенным столикам, скрытым за мраморными копиями греческих бюстов и раскидистыми листьями папоротника, где поцелуи останутся незамеченными. Оркестр постепенно разогревается, а затем слышатся первые ноты песни «Я Слышу Рапсодию». Певица наполняет зал своим глубоким, медовым голосом.

Конечно, она не Дина Шор, но тоже по-своему талантлива. Мужчина и женщина заходят в лобби и подходят к стойке администрации. Все глаза внимательно следят, как они ступают по мягким персидским коврам.

Мужчину отличает высокий рост, на удивление крепкое телосложение и массивная челюсть, а верхнюю часть лица скрывает шляпа, надвинутая почти до бровей. Когда он тянется за бумажником к внутреннему карману двубортного полосатого пиджака,

клерк за стойкой непроизвольно вздрагивает от промелькнувшей в голове мысли: вдруг он собирается достать пистолет? Его черно-белые броги¹ выглядят отнюдь не элегантно — скорее опасно. В его присутствии одни мужчины начинают злиться, а другие нервничать. Он относится к тем людям, которые с легкостью раздавят кого угодно каблуком ботинка и не почувствуют ни единого укола совести. Но, господи, как же он хорош, а его спутница еще примечательнее. На ней темно-синий костюм с поясом, который сидит на ней, словно вторая кожа. Ее фигура сразу дает другим женщинам понять: у них нет ни единого шанса. Она преступно красива: от темных волнистых волос, убранных под аккуратную шляпку, и больших глаз с длинными ресницами, сверкающих из-под темной вуали, до стрелок на ее шелковых чулках, исчезающих в итальянских кожаных лодочках на каблуке. Невозможный идеал. Запах ее духов мягко разносится по лобби. Все присутствующие, мужчины и женщины, непроизвольно и без сопротивления подчиняются ей. Высокий мужчина понимает, какое действие она оказывает на окружающих, и это его явно раздражает. Он сует пачку денег под нос испуганному клерку и выхватывает из его слегка дрожащей руки ключи от номера.

Пока они идут через лобби, мужчина то и дело подгоняет свою спутницу, которая идет так медленно и манерно, словно она изобрела искусство ходьбы. У них нет багажа, но сутулый коридорный все равно поднимается за ними по лестнице. Тяжелый взгляд высокого мужчины напугал бы кого угодно, но парнишка беспечно продолжает болтать, перепрыгивая

¹ Броги — туфли или ботинки с декоративной перфорацией.

через ступеньки. Они не отвечают и, кажется, вообще не прислушиваются к его словам, но коридорному не привыкать к такому отношению. Добравшись до номера, мужчина торопливо открывает дверь, но настырный коридорный заходит следом и начинает быстро щелкать выключателем.

— Должно быть, лампочка перегорела, — извиняющимся тоном говорит он. — Сейчас вернусь и все починю.

— Не нужно, — отвечает мужчина.

— Бутылочку шампанского? — предлагает коридорный.

— Выметайся, — рычит мужчина и, вслед за своей спутницей, исчезает в узком коридоре между гардеробом и ванной.

— Как хотите, — пожимает плечами коридорный.

Они слышат, как открывается и закрывается входная дверь. В тот же момент они оказываются в объятиях друг друга. Туфли и шляпы летят в разные стороны. Пуговицы чудом переживают безжалостные попытки расстегнуть пиджак. Многие люди предпочли бы опасаться этого мужчину и позавидовали бы этой женщине, но никто не стал бы спорить с тем, насколько прекрасно слияние этих двух совершенств. Миллионы поцелуев случаются каждый день даже в таком одиноком мире, как наш, но этот поцелуй останется в веках. Яростный, словно сражение, и податливый, точно расплавленный воск.

Мужчина и женщина совершенно потерялись в этом невероятном ощущении, как вдруг их накрыло холодной металлической сетью, и в номере резко включился свет.

— Добрый вечер, Афродита, — звучит голос сутулого коридорного.

ДЕКАБРЬ 1942

Золотая Сеть

У РАСТЕРЯННЫХ ПЛЕННИКОВ помятый и нелепый вид: они похожи на грабителей, натянувших на головы капроновые чулки. Золотые ячейки сети, гибкие и полупрозрачные, давят на них с тяжестью якорной цепи. Это результат тонкой работы, искусной и коварной, но ни один из богов не в состоянии оценить работу мастера. Любовник Афродиты пытается разорвать блестящую сеть сильными пальцами, но она не поддается.

— Я насажу тебя на меч, брат, — рычит он. — Раздавлю твой череп, как скорлупу.

Услышав его низкий, наполненный злобой голос, любой убежал бы в страхе, но только не Гефест. Он не боится этого высокого, сильного бога.

— Не трать на него силы, Арес, — вздыхает прекрасная Афродита и бросает испепеляющий взгляд на своего мужа, одетого в гостиничную форму. — И кстати для такого дорогого отеля здесь просто отвратительный сервис.

Гефест — бог огня, вулканов и кузнечного дела — не обращает на ее издевку никакого внимания. Он неторопливо опускается в кресло и вытягивает свои уродливые, искривленные ноги, а затем обращается

к богу войны, который и в самом деле приходится ему братом. Они оба — сыновья Геры.

— Сейчас достойный сервис днем с огнем не сыщешь, а все из-за твоей последней войны. Все хорошие работники сражаются на чужой земле.

— Там им и место, — Арес снова сотрясает золотую сеть и пытается призвать оружие прямо из воздуха. Обычно это выходит без особых усилий.

— Это бессмысленно, — замечает Гефест. — Сейчас у тебя не больше сил, чем у простого смертного. Моя сеть не даст тебе выбраться.

Афродита — богиня страсти — отворачивается от своего мужа, и он ловит ее взгляд в вытянутом зеркале с позолоченной рамой.

— Ты мне отвратителен, — говорит она его отражению. — Ревнивый, угодливый пес.

— Ревнивый? — Гефест изображает удивление. — Кто, я? С такой-то преданной и верной женой?

Если его слова и задевают Афродиту, она не подает вида. Богиня набрасывает на плечи свой синий пиджак и завязывает на шее тонкий шелковый шарфик.

— Что ж, ты нас поймал, — обращается она к Гефесту. — Мы запутались в твоей сети, как две рыбы. Что ты собираешься с нами делать?

— Я уже все сделал, — отвечает он. — По крайней мере, первую часть. Теперь вы под арестом.

Арес и Афродита смотрят на него так, словно он сошел с ума. От Гефеста можно ожидать чего угодно.

— Второй шаг: предложить тебе сделку и позволить признать вину.

Афродита поднимает одну бровь.

— Предложить мне что?

— Сделку, — повторяет он. — Отрекись от этого толстолобого болвана и возвращайся домой. Будь мне верной женой, и я тебе все прощу.

Секундная стрелка каминных часов успевает щелкнуть два или три раза, прежде чем Афродита начинает сдавленно хихикать. Арес, с волнением ожидающий ее ответа, тоже разражается хохотом. Такой большой и такой громкий: он чувствует облегчение и не может этого скрыть.

— Ты думаешь, она бросит меня ради тебя? — Он напрягает свои внушительные мышцы. Они скользят под его сияющей кожей, словно дельфины. Один вид его тела производит на людей неизгладимое впечатление.

Гефест чувствует, как уверенность покидает его, но он зашел слишком далеко и теперь будет придерживаться своего плана, что бы ни случилось.

— Ты отказываешься от моего предложения? — говорит он. — Тогда тебя будут судить на Олимпе.

Золотая сеть, накрывшая их, как тяжелое покрывало, затягивается на концах и тянется вверх. Арес и Афродита словно попали в мешок для грязного белья, и их божественные тела изгибаются совершенного неприглядным образом. Сеть поднимается в воздух и кружится вокруг своей оси, как окорок, подрумянивающийся на костре.

— Что ты делаешь? — кричит Афродита. — Немедленно верни нас на землю.

— Ваше судебное заседание переходит на другой уровень, — отвечает бог в униформе коридорного. — Отец Зевс будет судьей, а другие боги — присяжными.

Лицо богини красоты приобретает нежно-зеленый оттенок. Подумать только, весь пантеон бессмертных будет наблюдать за ее унижением. Нет ничего безжалостнее злых насмешек богов, и она, как богиня, прекрасно это понимает. К тому же никто не знает ее слабые места лучше, чем сестры. Эти чопорные

маленькие девственницы, Артемида и Афина, всегда самодовольно смотрят на нее сверху вниз, с вершины своих моральных устоев. Может, она и болтается в воздухе, пойманная в мешок, как цыпленок, но у нее все еще осталось немного гордости. Лучше вести переговоры с мужем в этом роскошном отеле на Манхэттене, чем дрожать от страха на глазах у всей ее семьи.

— Гефест, — мягко говорит она. Афродита умеет говорить бархатным, нежным голосом, когда ей это нужно. — Может быть, у нас есть третий вариант? — Она видит, что муж готов ее выслушать, и продолжает немного напористее. — Мы втроем можем обсудить все прямо здесь, — она толкает Ареса локтем. — Мы останемся в сети и выслушаем тебя. Арес будет хорошо себя вести. Я уверена, что не стоит выставлять наши личные дела на всеобщее обозрение.

Гефест колеблется. «Личные дела» — территория Афродиты. В гостиничном номере она чувствует себя, как дома. Он подозревает, что его заманивают в ловушку, но жена в чем-то права. Отправившись на божественный суд и выставив напоказ свою семейную жизнь, ему тоже придется поступиться гордостью.

— Давай проясним, — медленно выговаривает он. — Ты отказываешься от суда присяжных?

— Да ладно тебе, — говорит Арес. — Ты кузнец, Аид тебя побери, а не адвокат.

Гефест поворачивается к своей жене.

— Хорошо, — наконец соглашается он. — Можем обсудить все здесь. Устроим частный суд, и я буду судьей.

— Судья, присяжный и палач? — возмущается Арес. — Это называется самосуд.

Гефест вдруг пожалел, что у него нет судебного пристава, чтобы тот ударил этого буйного обвиня-